

III. ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

УДК 94(476)043.2

© Неменский О.Б.
Nemensky O.

**СОЮЗ ПОНЕВОЛЕ. ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ:
«БРАТСКИЕ УЗЫ» АГРЕССОРА И ЖЕРТВЫ**

**UNION PERFORCE. THE UNION OF LUBLIN:
"BROTHERLY TIES" OF AGGRESSOR AND VICTIM**

***Аннотация.** Недавно, в 2009 году, исполнилось 440 лет со дня заключения Люблинской унии и образования Речи Посполитой. Дата не круглая, но впервые за много лет годовщина этого события была отмечена с таким большим размахом. Польша, занявшая своё место в евроатлантическом сообществе, усмотрела повод для праздника на общеевропейском уровне, что помогло бы утвердить её место как крупной европейской державы, имеющей давние традиции лидерства в Восточной Европе.*

***Annotation.** Recently, in 2009, 440 years from the date of the Union of Lublin and Rzeczpospolita was celebrated. Date is not round, but for the first time in many years, the anniversary of this event was marked on such a large scale. Poland, which has won its place in the Euro-Atlantic community, found a reason to celebrate this event at the All-European level, which would help to confirm its place as a major European power with a long tradition of leadership in Eastern Europe.*

***Ключевые слова.** Люблинская уния, Евросоюз, евроинтеграция, Речь Посполитая, «русский империализм», политический миф.*

***Key words.** Lublin Union, European Union, European integration, Rzeczpospolita, "Russian imperialism", a political myth.*

В 2009 г. исполнялось пять лет членству Польши в Евросоюзе, что придавало праздничным мероприятиям особый смысл. ЕС специальными программами оплачивал пышные торжества, на которые съехались лидеры Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, а также Ст. Шушкевич как представитель Белоруссии. Понятно, что это должно было быть не просто отмечанием исторической даты, а крупным политическим событием, имеющим символическое значение и рассчитанным на большой общественный резонанс.

Идеологической основой мероприятий стали слова папы Иоанна Павла II, сказанные им ещё в 2003 г.: «От унии Люблинской к унии Европейской». Так, Речь Посполитая представляется в качестве прообраза Евросоюза, а

Польша, таким образом, историческим зачинателем европейской интеграции. В этой унии, по мнению польских политиков, была воплощена идея наднационального единства, совмещённого с сохранением отдельности и своеобразия каждого народа. Как написал об этом один из важнейших идеологов мероприятия профессор Ежи Ключовский: «Люблинская уния была примером добровольного объединения двух народов, к которому, наверное, и должен апеллировать современный европейский федерализм». Идея ведущей исторической роли Польши в деле евроинтеграции постепенно стала входить в общественное сознание через прессу и школьные учебники, а история польского «золотого века» вновь стала подаваться идеализованно, через откровенно высокопарные оценки.

Неменский Олег Борисович – кандидат технических наук, Институт славяноведения РАН, Центр украинистики и белорусистики МГУ им. М.В. Ломоносова, тел. (495)543-36-76.

Nemensky Oleg – Doc.of Eng.Sci., Institute of Slavic Studies, Academy of Sciences of Russian Federation, Centre for Ukrainian and Belorussian studies Moscow State University named after M.V. Lomonosov, tel. 543-36-76.

Надо сказать, такая трактовка истории не оказалась для соседей Польши столь же привлекательной, как для неё самой. Разве что на Украине по инициативе президента Виктора Ющенко была развёрнута довольно большая информационная кампания, внушавшая населению, что «ещё 440 лет назад Украина обрела своё место в Европе», и теперь может вернуть его себе тем же путём – через сотрудничество с Польшей. В то же время можно говорить о мягком проникновении польской опции истории в гуманитарную сферу, причём не только Украины, но и Прибалтики, а во многом даже и Белоруссии. К примеру, идея «наследия Первой Речи Посполитой» сопряжена с концептом «Восточно-Центральной Европы» (East-Central Europe, Europa Środkowo-Wschodnia) как современного региона, охватывающего территории, когда-то объединённые по Люблинской унии (теперь это шесть государств). В отличие от концепта «Центральной Европы», представленной в наши дни главным образом «Вышеградской группой» и «Восточной Европы» как европейской части постсоветского пространства, Восточно-Центральная предполагает взгляд на регион «исторического доминирования Польши» как на современную политическую реальность – если не фактическую, то, по крайней мере, желательную. И польская внешняя политика сознательно направляется на её формирование.

Конечно, этот регион видится как противостоящий России, чему история заключения Люблинской унии (да и всего существования образованного ею государства) даёт прекрасное обоснование. Уния представляется историческим примером взаимодействия народов региона против «российского империализма», а Речь Посполитая как государственная модель противопоставляется Московскому царству. Действительно, это государство создавалось в противоборстве с Россией и в этом состоянии существовало почти всю свою историю, а сам факт его формирования был напрямую связан с Ливонской войной. Так что торжества неизбежно имели антироссийский подтекст: ведь это годовщина идеи объединения вокруг Польши государств Восточной Европы в деле противостояния России.

Примечательно, что для обоснования современного политического мифа, идеализирующего Люблинскую унию и государственное устройство Речи Посполитой, пришлось не только замалчивать реальные обстоятельства её заключения, но даже изменять название того государства. Если исторически оно называлось «Речь Посполитая Двух Народов» (поляков и литвинов), то в современной прессе, особенно касающейся годовщины унии, оно чаще всего называется «Речью Посполитой

Многих Народов» (Rzeczpospolita Wielu Narodów), благодаря чему обходится неудобный теперь факт бесправного существования в ней предков нынешних украинцев, белорусов, латышей и эстонцев. Но крайне неадекватным исторической реальности представляется и сам тезис о добровольном характере Люблинской унии, хотя он и значится в любом польском учебнике.

***

Люблинская уния 1569 г. стала результатом долгого процесса перестройки всей государственной архитектуры Восточной Европы. В XIII-XIV вв. необъятные земли Древнерусского государства были опустошены и обезскровлены многочисленными монгольскими набегами. Восточная Русь, хотя и меньше пострадала, но уже признала свою зависимость от хана и тем самым пыталась избежать новых набегов. А на западнорусских землях, откупаясь чем могли от грозного завоевателя, всё более прибегали к защите литовского войска. Литовцы – народ ещё языческий, прежде сам нередко плативший дань русским князьям, пришёл теперь на Русь тою силою, какой здесь уже не было. Русские земли одна за другой входили под покровительство литовского князя, и за сотню лет на месте Западной Руси образовалось гигантское Великое княжество, названное по своим составным частям Литовским, Русским и Жмудским (кратко – ВКЛ). По сути военный союз, конгломерат очень разных княжеств, во многом сохранявших свою автономность, это новое государство удивляло своими диспропорциями: море русского православного населения было соединено с небольшой и культурно отсталой Литвой. Литовская знать нередко принимала православие, вела деловую и государственную документацию на русском языке, постепенно русифицировалась, но сохраняла своё особое самосознание и лидирующее положение в государстве.

Однако не только Литва оказалась в выигрыше от разгрома степняками Руси. За юго-западную её часть, Червонную Русь, боролись Польша и Венгрия, и в середине XIV в. польский король Казимир Великий смог присоединить её к своему королевству. Но взгляды поляков устремлялись ещё дальше. Во второй половине XIV в. во главе Великого княжества встал Ягайло. Он осознавал необходимость дальнейшего укрепления своего международного положения не только военными, но и дипломатическими методами, путём вступления в тесные союзы с соседними державами. Его княжеству всё труднее было сдерживать натиск крестоносцев с прибалтийских земель, и он рассчитывал на союзническую помощь. А, кроме того, всё сложнее было иметь дело с соседями, не отказавшись от ярлыка «поганов», то есть язычников.

Он было думал заключить союз с усиливавшимся Московским княжеством, хоть и зависимым от Орды, но одержавшим над нею впечатляющую победу в 1380 г. Мать Ягайлы Ульяна была дочерью великого князя тверского, и через её посредничество он вёл переговоры с великим князем Дмитрием Донским о женитьбе на его дочери, что должно было сопровождаться признанием вассалитета от Москвы и крещением литовского народа в восточном обряде. Обо всём этом даже было предварительно договорено, однако обстоятельства складывались не в пользу такого союза. Разгром Москвы ханом Тохтамышем и последующее возобновление её зависимости от Орды означали, что вассальную зависимость пришлось бы признать и от хана, что никак не соответствовало целям внешней политики князя Ягайло. А одновременно с этим немалую активность проявило Польское королевство, выступив с предложениями, гораздо более привлекательными, чем московские.

Польша в это время как раз преодолела феодальную раздробленность и стала единым и сильным государством, достигшим своего расцвета при Казимире Великом (1333-1370). Правивший после него Людовик Венгерский, хотя и был дважды женат, но сыновьями так и не обзавёлся. После него, в 1384 г., во главе Польского королевства встала его жена Ядвига, а двор стал искать ей нового мужа – будущего польского короля. Разумеется, предложение из Кракова было гораздо привлекательней, чем из Москвы: Ягайло предложили не дочь князя и вассалитет, а королеву и корону сильной державы. Следовавшее вместе с этим принятие католицизма также представлялось очень выгодным вариантом: во-первых, оно лишало Тевтонский орден главной причины для войн с Литвой, а во-вторых, это был прекрасный способ выделить литовскую знать из моря русской аристократии, поставив её в особо привилегированные условия благодаря конфессиональному различию.

Ягайло согласился на женитьбу, за полгода до которой он заключил с Польшей так называемую Кревскую унию (1385 г.) – договор, по которому два государства фактически объединялись в одно. Это было простое присоединение территорий Великого княжества к Польше без каких-либо особых условий со стороны Кракова. Польша, лишь недавно захватившая самые западные русские земли, теперь становилась хозяйкой всей Западной Руси, превратившись в одно из крупнейших государств Европы.

Ягайло со всем двором принял католицизм и вскоре издал грамоту, по которой господствующим слоем в стране становились только феодалы-католики. Старая

православная аристократия оказалась в неполноправном положении и в чуждом для себя государстве.

Конечно, это вызвало волну недовольства, которой воспользовался двоюродный брат Ягайлы, Витовт, отца которого Ягайло незадолго до того заморил в темнице. Хотя он и был уже католик, но смог собрать большие русские силы и вынудил брата признать его власть над ВКЛ. Благодаря заключению им с братом Виленской унии 1401 г., Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское возродилось, хотя и сохранило свою зависимость от Польши. Единство сил двух государств было необходимо обеим сторонам. Польша благодаря этому смогла вернуть под свой контроль Червонную Русь, ушедшую было к Венгрии. А в 1410 г. объединённые войска смогли разбить в Грюнвальдской битве их главного врага – Тевтонский орден. Новая структура союзного государства была закреплена вскоре после этой битвы актом Городельской унии 1413 г. Она фиксировала неразрывный союз ВКЛ с Польшей и вновь утверждала привилегированный статус католиков. Впрочем, Великое княжество не переставало бороться за свою независимость. В 1440 г. оно избрало своим королём сына Ягайло Казимира, даже не согласовав это с Польшей. Только спустя несколько лет, после смерти прежнего короля, поляки с трудом уговорили Казимира принять и польскую корону. И всё же до конца своих дней он предпочитал жить в Литве, окружил себя русскими князьями и боярами, а пришедшая было в актовый язык княжества латынь снова была вытеснена русским языком. Фактически, в это время ВКЛ и Польша были государствами, лишь связанными друг с другом персональной унией.

Это подтвердилось и после смерти Казимира, когда Польша избрала себе королём Яна Ольбрахта, а в ВКЛ великим князем стал его брат Александр. Почти прекратившаяся на том уния двух государств была вновь спасена уступчивостью поляков: после смерти Яна Ольбрахта в 1501 г. они смогли посадить Александра и на польский трон. Впрочем, Александр был полонофилом и с радостью переехал в Краков. Стремясь возобновить тесную унию двух государств, Александр при утверждении его королём Польши подписывает т.н. Мельницкую унию 1501 г. Несмотря на привлекательное расширение прав шляхты ВКЛ, обещанное тогда королём, условия унии предполагали столь тесное соединение государств, что литвины (представители ВКЛ) решительно ей воспротивились и уния так и не вступила в действие.

И всё же подписанные прежде унии оказали огромное влияние на внутреннюю жизнь Великого княжества и дали себя знать потом, уже к середине XVI века. Попыт-

ка объединения двух государств, предпринятая при Ягайло, не удалась во многом потому, что в ВКЛ у неё не было сильной социальной опоры. И как раз такую опору заложили на будущее все эти заключенные позже унии. Особенно важна Городельская уния, имевшая огромное значение для дальнейшей судьбы княжества – именно в ней были сформулированы основные принципы создания в Литве привилегированной сословной группы населения наподобие польского шляхетского сословия. В самой Польше шляхта уже добилась господствующего положения в государстве, она сама выбирала короля и во многом определяла всю политику государства. Складывались сильное сословное самосознание и развитая система сословного самоуправления. Городельская уния заложила процесс сближения социальной структуры ВКЛ с Польшей, развитый потом целым рядом великокняжеских привилеев. Помимо всего прочего, по её условиям шляхетские роды Польши принимали в свои гербы благородные семьи ВКЛ – произошло что-то вроде родового объединения феодалов двух государств. К концу XV в. в ВКЛ складывается система сословно-представительной монархии. Формирование в Великом княжестве шляхетского сословия вело к близкому Польше общественно-политическому строю, создавало социальный слой со схожей идеологией и политическими устремлениями. Хотя должно было пройти ещё немало времени, чтобы такие перемены принесли свои политические плоды.

Следующий за Александром король Сигизмунд I вновь объединял в своих руках великокняжескую и королевскую власть, продолжая традицию персональной унии двух государств. Более того, он сделал всё, чтобы так было и после него: ещё задолго до смерти устроил избрание своего сына Сигизмунда Августа своим соправителем и в Польше, и в ВКЛ. А Сигизмунд Август, хотя и был трижды женат, но детей не имел. Ему выпало стать седьмым и последним из династии Ягеллонов. И он как никто другой озаботился тем, чтобы дело основателя династии – объединение Польши и ВКЛ в единое государство – было доведено до конца.

***

Сигизмунд Август воспринял близко к сердцу идеи ренессансной культуры, идеализировавшие древний Рим. Аристократическая республика во главе с избираемым монархом, объединявшая под своей властью огромные имперские просторы с разными народами – так он видел совместное будущее Польши и ВКЛ. И он не был просто мечтателем на троне, он был мудрым и последовательным практиком.

Для дела объединения двух государств большое

значение имел и процесс консолидации шляхетского сословия ВКЛ поверх конфессиональных границ. Ещё в первой половине XV в. начался процесс уравнивания в правах православной и католической шляхты. Оба последних Ягеллонов были довольно благосклонны к православной церкви. Остатки последних правовых ограничений не католической шляхты были упразднены Сигизмундом Августом. Жалованной грамотой от 7 июля 1563 г. он распространил на православную шляхту решения Городельской унии 1413 г. и предоставил ей новые права и привилегии, расширенные ещё и в 1566 году. Впрочем, конфессиональные различия теперь были гораздо более разнообразными, ведь это была эпоха Реформации, когда значительная часть литвинской шляхты и аристократии приняли кальвинизм, а многие склонялись и к другим весьма оригинальным христианским течениям того времени. Конфессиональная разнородность шляхты была фактом, с которым необходимо было считаться.

Религиозные противоречия – не единственные, которые раскалывали правящий слой Великого княжества. К середине XVI в. очень ясно обозначилось противостояние сформировавшейся уже шляхты с «можновладцами» – родовыми магнатами. Если высший класс в Польше был един, то в ВКЛ он распадался на собственно шляхту и панов можновладцев, имеющих приоритетное влияние на положение дел в государстве. Именно этот слой был менее всего заинтересован в объединении государств и в увеличении роли средней шляхты. В пику можновладцам король и великий князь предпринимал усилия по всё большей эмансипации шляхты, и расширяя её права и привилегии и уменьшая привилегированность аристократии. В течение 1563–1566 гг. шляхта заметно продвинулась на этом пути. В 1564 г. можновладцы вынуждены были отказаться от судебных привилегий. Сигизмунд Август осуществил программу по широкомасштабному реформированию внутреннего устройства ВКЛ по польскому образцу. К 1566 г., когда был принят второй литовский Статут, устройство ВКЛ было максимально приближено к Польше.

Однако уровень прав и свобод литвинской шляхты был ещё далёк от польской, и потому шляхта ВКЛ превратилась в главного сторонника униянных тенденций. Ликвидация правового неравенства не католической шляхты сделала даже православную её часть горячими сторонниками объединения с Польшей. Это было время, когда этническое и конфессиональное самосознание уступало по силе сословному, объединявшему «благородное» население ВКЛ в слой с едиными интересами и политическим настроением.

Между тем Великое княжество и Польша оставались довольно разными государствами. В Польше победил шляхетско-республиканский строй со слабеющей избирательной королевской властью. Великое княжество оставалось монархическим государством, выбор монарха в котором был ограничен династической наследственностью. Относящийся к ВКЛ как к своей вотчине великий князь Литовский был вместе с тем избираемым и весьма ограниченным во власти королём Польши. С конца XIV в. почти все короли были вначале посажены в ВКЛ великими князьями, а уже потом избраны королями в Польше. При этом по условиям прежних уний полякам было запрещено занимать управляющие должности в ВКЛ и даже селиться в ней. По сути, уния отношения двух государств держалась на неслабеющей польской инициативе. До 1560-х гг. все инициативы по унии шли именно от Польши, а не от ВКЛ. А литвинская можновладческая оппозиция, руководимая тогда братьями-кальвинистами Николаем Радзивиллом Чёрным и Николаем Радзивиллом Рыжим, вообще была склонна к ослаблению уже имеющихся уз.

В этих условиях бездетный Сигизмунд Август решился на такой шаг, который удивил его современников. На Варшавском сейме 1563-1564 гг. он отказался от своих наследственных прав на Великое княжество и передал их польской короне. Дарение династической наследственности в пользу государства с почти республиканским строем сделало Польшу (и в первую очередь её политический класс – шляхту) своего рода коллективным собственником ВКЛ. И если раньше полякам приходилось возобновлять персональную унию, каждый раз избирая себе королём прежде посаженного великого князя литовского, то теперь ВКЛ вынужденно будет принимать своим монархом любого избранного Польшей короля. Вся Западная Русь с Литвой была отдана её монархом в наследуемую вотчину Польше.

После этого решения Сигизмунда Августа государства оказались на грани войны. Между тем в 1565 г. глава аристократической партии ВКЛ Николай Радзивилл Чёрный умер и оппозиция унии тем самым ослабла. Шляхта же теперь ещё более стремилась исправить сложившееся униженное положение через полноправное объединение двух государств. Между тем Сигизмунд Август нашёл ещё один способ сделать литвинов стоворчивее: он потребовал выплачивать ему старый налог – четвёртую часть доходов с великокняжеских столовых имений, которые почти все были в пользовании литовских вельмож, и в первую очередь можновладцев. Основания для этого своего рода шантажа со стороны великого князя были

вполне обоснованными: ему явно не хватало средств не только на содержание двора, но и на ведение войн, а польские сенаторы намекали ему на ревизию растраты государственных средств.

Всё это могло привести к тому же, что было ещё в начале XVI в., когда приграничные княжества в составе ВКЛ стали одно за другим переходить под власть православного великого князя Московского. Но Сигизмунд Август знал, что времена изменились: вместо Ивана Великого на московском престоле сидел Иван Грозный, который уже успел снискать себе славу деспота, введя в 1565 г. в стране опричнину. Симпатии к Московскому царству даже у православной шляхты ВКЛ были теперь минимальными. Кроме того, Великое княжество Литовское и Русское вело теперь с Московским новую затяжную войну. Яблоком раздора была Ливония (территории нынешних Латвии и Эстонии), на полное подчинение которой рассчитывал Сигизмунд Август. Её разгром вначале войны лишь помог ему, как великому князю, получить на неё формальные права от магистра Ливонского ордена.

Но Ливонская война складывалась весьма неудачно и для ВКЛ. Иван Грозный опустошил значительную часть земель княжества и угрожал уже самому его существованию. Он боролся за Ливонию, но претендовал и на всё старое наследство его дома Рюриковичей, то есть на присоединение к Москве всех западнорусских земель. Прежде мысль о соединении в одном русском государстве и здесь многим казалась привлекательной, но реальность правления грозного царя по меньшей мере пугала. Огромное впечатление на жителей ВКЛ произвело взятие московскими войсками Полоцка. Разорение города и окрестностей, увод в плен и продажа в рабство многих его жителей, утопление евреев в Западной Двине и резня доминиканских монахов татарами – все эти события красочно описывались в многочисленных устных рассказах и письмах. Даже в Западной Европе, в немецких городах была выпущена целая серия брошюр с «ужасными известиями о жестоком враге москвитей», рассказывающих о зверствах Ивана Грозного. Во многом именно тогда стал формироваться тот образ варварской, агрессивной и страшно жестокой России, который в некотором роде сохранился в западной культуре до наших дней. И конечно, разорение Полоцка отвернуло от Москвы последних её симпатизантов в ВКЛ. Взятие города произвело то самое впечатление, на которое рассчитывал московский царь: шляхта ВКЛ разочаровалась в своих силах защитить страну. Но это побудило её не к признанию власти царя, а к активности в делах унии. Это событие многих убедило в необходимости идти на тесную унию

с Польшей, чтобы совместными силами защищаться от Московского царства. С этого времени инициатива в унитарных процессах стала проявлять сама ВКЛ.

Позже поляки напишут, что именно Ливонская война и ужасы разорения Полоцка «пригнали Литву к Польше». Несмотря на дарение Сигизмундом Августом Великого княжества другой стране, когда встала реальная альтернатива между ним и Иваном Грозным, то выбор был очевиден. С одной стороны, мягкий и мудрый монарх, раздававший шляхте права и привилегии и уравнивавший в правах все христианские конфессии; с другой – жестокий деспот, объявивший войну благородному слою в своей собственной стране и продающий горожан в рабство мусульманам. Страну охватил ужас, и она как никогда была готова к соединению с Польшей.

Если раньше великий князь Ягайло выбрал между вассальной зависимостью от Москвы и польской короной, то теперь выбирать приходилось не одному человеку, а целому политическому классу. Это был выбор между Россией Ивана Грозного в самый страшный период его царствования и Польской республикой – государством, гарантировавшим религиозное равноправие и основанном на идее правления широкого слоя феодалов, обладавших почти всеми мыслимыми тогда правами и свободами. Вряд ли можно удивляться тому, что «польское предложение» вновь оказалось более привлекательным.

***

Сейм по условиям новой унии был назначен на конец 1568 г. в Люблине, недалеко от границы между двумя государствами, но открыт был только в январе. Это был один из самых длинных сеймов в истории Польши – он завершился 12 августа 1568 г. Литовских представителей на Люблинском сейме было мало: военное время не позволяло собрать полного представительства. Польша же выставила на сейм полный состав членов, и они явно преобладали. Среди представителей Польши были и послы от Русского, Белзского и Подольского воеводств, часть которых воспринимала унию как возможность соединения со своим народом в новом едином государстве.

С первых же дней обозначились старые противоречия между представителями двух государств по вопросу о форме будущей унии. Литовская сторона предъявляла привилегии и статуты, утверждавшие самостоятельность ВКЛ, и не соглашались признать за польской короной наследование великого княжения. Литвины даже пытались доказать, что всегда имели право на избрание великого князя. В ответ на это поляки предлагали решить вопрос полюбовно, через объединение в одно государство-республику: тогда и выборы короля и вели-

кого князя станут общими. Проект унии, поданный польской стороной, предполагал полное объединение «в одно государство и один народ». Но для стороны ВКЛ такой вариант представлялся чем-то сродни порабощения. «Зачем же нам обсуждать этот проект?», – говорили они, – «разве с рабами обсуждают условия их рабства?» Взамен этого литвины предлагали отдельное избрание монарха вначале сеймом Польши, а потом ВКЛ. Помимо прочих весьма свободных условий унии, литвины прямо заявляли, что опасаются открыть свою страну для поляков и вновь хотели нормы, по которой назначать на государственные должности в ВКЛ можно было бы только литвинов. Условия такого унитарного проекта вызвали возмущение среди польских представителей: «Паны литовцы представили на посмеяние народу польскому какую-то новую грамоту на предмет унии, отличную от старых привилегий и противную братской любви, давно уже описанной; но такую унию мы не только с отдалённым народом, но и с грубейшими язычниками легко иметь можем!»

Прения по проектам привели к тому, что литовские депутаты стали заседать отдельно. Это означало демонстративное нежелание принимать польский проект. В источниках описано, как уже в конце февраля король договорился с поляками о хитрости: он пригласит литовских представителей в зал, а потом туда неожиданно войдут поляки и в общем присутствии будет зачитан акт унии. Но литвины как-то узнали об этой западне, после чего большинство из них просто уехало в свои земли. «Литвинские депутаты разъехались и дали знать, что больше не хотят ни вести с нами переговоры, ни принимать решения об унии», – объявил на сейме Сигизмунд Август.

Более того, на своих отдельных совещаниях они выдвинули идею начать войну с Польшей, по какому поводу собирались войти в союз с татарами. По всему Великому княжеству рассылались грамоты, призывающие готовиться к войне. Воинственные настроения были и в польской среде. То, что представители ВКЛ уехали с сейма, было воспринято как оскорбление Польши и короля. Два государства вновь оказались на грани большой войны.

Но Сигизмунд Август отвергнул все предложения о начале войны, равно как и идею заключить унию без литвинов, а их поставить перед свершившимся фактом. Король согласился с другим планом: отобрать у ВКЛ часть его земель, тем самым ослабить княжество и привести его к более сговорчивой позиции. Если не получится присоединить всё Великое княжество, то оно может быть присоединено по частям.

Уже давно поляки смотрели в сторону Волыни и Киевщины, подумывая о том, как бы их отобрать у сосе-

да. Идея присоединения этих земель к польской короне была уже в унионных проектах короля Александра. И вот, в начале марта Польша объявила о присоединении к ней двух старых русских земель – Подляшья и Волыни, о чём был издан королевский универсал. Депутатам этих провинций было приказано явиться на сейм, с тем чтобы заседать вместе с поляками. При этом заявлялось, что если они приедут и выразят своё согласие, то от уплаты кварты со столовых великокняжеских имений будут освобождены, если же нет, что лишатся и своих должностей, и имений. Часть представителей Подляшья приехать отказалась. Так поступили даже подляшские воевода и каштелян. Но большинство всё же явилось на сейм. Сыграла роль шляхетская сословная самоорганизация: стремление шляхты к получению равных прав с польской побудила местные шляхетские сеймики одобрить инкорпорацию. С Волынью было решено поступить ещё хитрее, так как здесь сопротивления опасались больше. Решили пригласить не депутатов от этой земли, а чиновников, запугав их лишением должностей. Отказаться решились немногие, однако немало было тех, кто сказался больными. Тогда на Волынь были отправлены комиссары, чтобы на месте взять с «больных» подписи.

Проблема была ещё и в том, что, принося присягу польскому королю, представители Подляшья и Волыни тем самым нарушали прежнюю присягу великому князю. И хотя король и великий князь были едины в одном лице, многим было трудно пойти на такой шаг – ведь факт измены прежней присяге тем самым никак не отменялся. Некоторые требовали, чтобы Сигизмунд Август как великий князь вначале снимал с них прежнюю присягу, а уже потом давали ему же новую – ему и всей «речи посполитой польской», то есть польской шляхетской республике. Вряд ли присутствовавшим на сейме ещё когда-нибудь приходилось видеть столь странные обряды. Но, так или иначе, к апрелю Подляшье и Волынь были приведены к повиновению, став новыми провинциями Польши.

Литвинская сторона такого хода не ожидала: полякам было предложено отменить универсал о присоединении земель и назначить новый сейм для заключения унии. Но было уже поздно: отказываться от новых провинций Польша не захотела. Более того, в мае поляки потребовали присоединения и Киевской земли. Предложение об этом было озвучено представителями Волыни на том основании, что она когда-то «принадлежала Волыни». Кроме того, претензии на Киев обосновывались тем, что он – главная крепость от татар на подступах к Волыни и Подолью. В этих землях меньше было шляхты, больше крупных możновладцев, но и они были обеспокоены

главной проблемой этих территорий: необходимостью защищаться от степняков, от татар. ВКЛ становилось слишком слабым государством, и его южные земли чувствовали себя всё менее защищёнными. Решимость польской шляхты взять дело их обороны в свои руки многим здесь была по душе.

Так, и Киевщина с Брацлавщиной были присоединены к Польше, и Великое княжество не смогло этому ничего противопоставить. Более того, король приказал изгнать с южнорусских земель всю литовскую знать и государственные чины. Огромные территориальные потери оно несло уже не в войне, а в дипломатической баталии. Польские предложения о присоединении провинций с гарантией равноправного включения их шляхты в польскую, а также готовность совместно противостоять степным врагам, были для большинства феодалов Подляшья, Волыни и Киевщины более привлекательны, чем то, что предлагало им слабеющее Русско-Литовское государство.

Между тем успех проделанных аннексий побуждал польскую шляхту к дальнейшим действиям. Предлагалось присоединить таким же образом все остальные территории ВКЛ, да и само его название запретить навеки, заменив на «Новую Польшу». На фоне этого в Люблин вновь приехали депутаты от Великого княжества, хотя теперь их уже больше заботили вопросы об утрате провинций в пользу Польши, нежели сама уния. В долгих спорах о правомерности таких присоединений поляки настаивали на том, что земли эти издавна принадлежали Польше, ссылаясь, например, на кратковременный захват Киева Болеславом Храбрым в XI веке (1018 г.). В конце концов, этот вопрос на их взгляд обсуждаться вообще не должен, так как литвины сами виноваты, что отсутствовали на сейме тогда, когда всё это решалось. Более того, польской стороной было поставлено требование ещё и совместного владения Ливонией.

Теперь для ВКЛ желательным результатом было вернуть Польшу к тем её предложениям, от которых прежде сами же литвины отказывались, то есть заключить унию на основании прежних унионных формулировок, в том числе проекта короля Александра. Но польская сторона уже хотела большего. Самый активный противник унии, жмудский староста Иван Иеронимович Ходкевич, говорил тогда: «Не знаю, каким это образом будет происходить решение унии, когда мы видим, что сенаторы литовского княжества уже заседают с вами вместе. Вы уже обрезали нам крылья!» А тут ещё подоспела инициатива депутатов Берестейской земли, также пожелавших войти в состав Польши по примеру Подляшья.

Представители ВКЛ были загнаны в угол. А глав-

ное, по всем их же понятиям они были обязаны подчиняться. Литвинов подводил их же собственный монархизм: они считали себя обязанными слушаться великого князя и, пытаясь оспорить его действия, всё же подчинялись государственной воле. Фактически республиканская Польша подчинила себе Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское посредством самодержавной воли его монарха и тяги широких шляхетских слоёв к республиканским правам. Удивительный и редкий случай, когда республиканский строй побеждает с помощью монархизма. Но теперь это означало ещё и ликвидацию самостоятельной государственности ВКЛ. Иван Ходкевич, выступавший от имени литвинской делегации, горько признался: «Мы уступаем, но мы уступаем не какому-нибудь декрету, а воле Вашей королевской милости, как исполнителя законов и общего государя, которому мы все присягали».

1 июля литвины были приведены к присяге. Возможно, само то, что они, наконец, уступили, позволило им сохранить за Великим княжеством остатки его государственности. Сохранились особые законодательство и суды, административные должности, отдельная государственная казна, войско, административным языком оставался русский. Здесь Сигизмунд Август в очередной раз проявил свою мудрость, не допустив реализации призывов к полному уничтожению ВКЛ. Уния представляла как компромисс, и формально была действительно равноправным соединением. Перевес польской стороны в новой государственной структуре обеспечивался как раз произведёнными аннексиями: представители ВКЛ на общем сейме теперь были определённы в меньшинстве.

Постановление Люблинского сейма подтвердило равноправие православных и католиков, просто не упоминая о конфессиональных различиях. В титулатуру короля вводилась великокняжеская, и теперь он назывался «королём польским, великим князем литовским, русским, прусским, жмудским...» («rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae...»). Оба государства объединялись в «одно нераздельное и неотделимое тело», в «одну общую республику» - новое совместное государство, получившее наименование «Речи Посполитой Обойга Народов», то есть «Республики Двух Народов». Столицей его стал город вблизи внутренней границы – Варшава. Это было в первую очередь сословное объединение, союз шляхетского сословия двух государств. Ренессансный король Сигизмунд Август смог на практике реализовать идею о возрождении Римской республики «в сарматских краях». Удивительный в своём роде монарх, который всю жизнь делился со своими подданными вла-

стью, наследством, правами и привилегиями, ограничивал собственные возможности и таким путём создал одно из самых крупных европейских государств. Он умер спустя всего три года, в 1572 г., так и не увидев, как эта прекрасная, но более умозрительная модель была погребена под реальными межнациональными и межконфессиональными противоречиями того времени.

Впрочем, ещё некоторое время Речь Посполитая отшлифовывала свои идеальные формы. Избранный после Сигизмунда Августа королём Генрих Валуа подписал т.н. «Генриховы артикулы», окончательно закрепившие строй шляхетской «золотой вольницы». Правда, вскоре король сбежал домой во Францию, став её королём Генрихом III, но подписанный им документ остался одной из основ новой государственности. В январе 1573 г., через год после парижской Варфоломеевской ночи, был принят Акт Варшавской конфедерации, декларировавший всей шляхте религиозный мир. И хотя католический клир в большинстве своём его осудил, Акт полностью вошёл в новый Литовский статут 1588 года.

Было создано государство «единого и во всём равного шляхетского народа», не признающего внутри себя никаких различий, ни по титулу, ни по богатству, ни по языку, ни по конфессии, дорожащего своими правами и своей свободой. Шляхта считала строй Речи Посполитой идеалом государственности, и гордо мыслила о себе как об особом народе, сама природа которого располагала к свободолобию и повышенному чувству собственного достоинства и чести.

Но эта абстрактно прекрасная ренессансная модель была обречена. На деле она лишь служила польской и католической агрессии на восток. У нового государства была своя «ахиллесова пята»: оно состояло из двух частей, но реально включало по крайней мере три народа, и один из них – русский – был разделён между Коронай Польской и Великим княжеством, не имея своего особого представительства и каких-либо национальных прав.

***

Как раз незадолго до заключения Люблинской унии завершил свою работу Тридентский собор Римской церкви, и началась эпоха нового наступления католицизма, его максимально агрессивной политики. Католическая церковь поддерживала начинания Сигизмунда Августа не из любви к шляхте, а в надежде получить власть над огромными западнорусскими землями. Вскоре всё государство покрыла разросшаяся сеть католических епархий. Постепенно католическое духовенство стало не менее значимым элементом на русских землях, чем сама шляхта. Обычный православный священник относился

к разряду тягловых людей, тогда как католический клир был во всё более привилегированном положении и оказывал всё большее влияние на политику властей любого уровня. Русская шляхта постепенно ополячивалась и переходила в католицизм. Кроме того, вся Западная Русь стала пространством активной польской колонизации.

Уже в конце XVI в. во всём государстве было запрещено православие: несколько епископов православной церкви подписали с Римом так называемую Брестскую унию, и хотя представительный православный собор, собиравшийся параллельно и в том же городе, её не принял, на долгие годы вперёд деятельность православной церкви попала под запрет. Борьба православного сопротивления с силой навязываемой униатской религией стала основным содержанием западнорусской жизни на многие десятилетия вперёд. Брестская церковная уния, таким образом, была одновременно и прямым следствием Люблинской, и прямым же её отрицанием: государства, основанного на религиозной толерантности, больше не было. Новой целью польской власти было сделать всё шляхетское сословие монолитным в конфессиональном отношении, да и в культурно-языковом тоже. В конце XVII в. официальный русский язык Великого княжества был заменён на польский, а фактически это произошло гораздо раньше.

На деле идеология «Республики благородных» была очень быстро заменена на идеологию «Польшы от моря до моря», идеологию мессианского покорения «Востока» и распространения в нём «света католической веры» и «ценностей европейской культуры». Польша осознала себя «форпостом христианства на востоке Европы», призванным самим провидением крестить «огнём и мечом» не католические народы. Понятно, в первую очередь это касалось собственного инославного населения, но вскоре Польша решила и на покорение ослабшего Московского царства. Новая, романовская Россия рождалась в отечественной войне с польскими интервентами.

Между тем русская по происхождению шляхта Речи Посполитой постепенно становилась польской, а «русь» всё более «простой» и «убогой». О недавнем равенстве православных и католиков можно было забыть. Польская государственная и общественная машина давила на западнорусский народ втрое: через религиозный нажим, через этнокультурную чуждость власти и через всю социальную систему, в которой преимущественно польская шляхта владела огромными массами русско-крестьянского крепостного крестьянства.

Ещё в конце XVI в. в среде православного мещанства – городских жителей – возникло так называемое

«братское движение»: горожане объединялись в товарищества взаимной помощи вокруг патронируемого ими церковного прихода. В их среде сложилась своеобразная идеологическая концепция, согласно которой в 1569 г. образовалась Речь Посполитая не двух, а трёх народов, и лишь потом права одного из них – русского – были попраны Варшавой. И хотя о третьем народе в Люблинской унии речи не было, братские деятели того времени более всех других осознали, сколь сильно реальность Речи Посполитой отличалась от того, какой она была задумана.

Маргинализация православного населения усиливалась, и тысячи людей вынуждены были уходить «на украины» - к бескрайным просторам Дикого поля (степи), за днепровские пороги. Уже к концу XVI в. на арену истории выходит казачество, состоящее во многом из бежавших на степные окраины государства православных людей, готовых с оружием в руках отстаивать свои права на свободу и веру. Пройдёт всего полвека, и гигантское восстание православного русского люда во главе с казаками полковниками охватит все западнорусские земли и почти уничтожит Речь Посполитую. От этого удара она уже не оправится никогда, однако, даже слабая, по-прежнему будет проводить политику этнического и религиозного подавления. Постепенно вопрос отношения с инославным населением ослабит государственность настолько, что, когда соседи решат разделить её территории между собой, она даже не сможет оказать им достойного сопротивления.

Так была ли Люблинская уния действительно союзом? Формально она считалась добровольным объединением двух государств, но мы видели, сколь вынужденно шло на него Великое княжество, просто не имея другого выхода. Его западные, а также огромные южные земли были аннексированы Польшей, и если бы не согласие на унию, ВКЛ просто было бы ликвидировано, даже если бы полякам пришлось ради этого победить его в новой войне. Впрочем, оно всё же было потом уничтожено – но много позже, по «Правительственному закону» 3 мая 1791 г., в последние годы существования самой Речи Посполитой. По этому же закону было прекращено и действие Люблинской унии. Кстати, по сей день мы видим ту границу, которая пролегла между Великим княжеством в составе Речи Посполитой и отобранными у него южными землями – это граница между современными Белоруссией и Украиной.

И всё же польская традиция, в том числе и историография, настаивают на добровольном характере Люблинской унии и превозносят её как «специфически польское решение самых глубоких, общечеловеческих

вопросов сосуществования государств и наций». В польской науке и публицистике часто можно встретить восхищённые оценки: ведь тогда «граница западной цивилизации отодвинулась на восток!», а уния «проложила дорогу Восточной Европе к западной системе ценностей!». Так называемая «ягеллонская идея» вошла в национальную идеологию и стиль мышления. Кроме того, и в наши

дни столицей Польши является город, олицетворяющий эту идею – Варшава. Теперь в Польше нередко приводят Люблинскую унию как прообраз современного Европейского союза. Что ж, вполне возможно, что именно так они хотели бы видеть вхождение в ЕС Украины и Белоруссии. Хотя вряд ли такое сравнение может понравиться народам этих стран.

Материал поступил в редакцию 28. 11. 2011 г.